

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Купальская
ночь,
или
Куда приводят желания

ЭКСМО
Москва

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В35

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Вернер, Елена.
В35 Купальская ночь, или Куда приводят желания : [роман] / Елена Вернер. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Верю, надеюсь, люблю).

ISBN 978-5-699-75674-2

В прошлом Кати есть тайна, которую девушка много лет не доставала из сундука своей памяти. Эта тайна — сама Катя: та, которой она не стала, та, которой перечеркнула будущее страшная трагедия. И, когда настоящее окончательно запуталось в рутине и тоске, Катя приехала в городок, где осталось ее прошлое, где родилась и закончилась ее первая любовь. Где ей предстоит начать все сначала...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-75674-2

© Вернер Е., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

*Моим родителям
посвящается*

Пусть покойник мирно спит;
Есть монаху тихий скит;
Птице нужен сок плода,
Древу — ветер да вода.
Я ж гляжу на дно ручья,
Я пою — и я ничья.
Что мне ветер! Я быстрее!
Рот мой ягоды алей!
День уйдет, а ночь глуха,
Жду я песни пастуха!
Ты, пастух, играй в трубу,
Ты найди свою судьбу,
В сизых травах у ручья
Я лежу — и я ничья.

(А. Н. Толстой «Мавка», 1909)

Разве мы можем знать истинную меру
нашего счастья, если нам неизвестно,
что ждет нас впереди?

(Э. М. Ремарк «Ночь в Лиссабоне», 1961)

Глава 1

НЕЖДАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Эта осень

Такое ощущение, что местность — дома, улицы, комнаты — обладает памятью. И не просто хранит воспоминания, а норовит напомнить человеку все до мельчайшей детали с энтузиазмом давнего друга. Или безжалостностью врага.

Катерина боялась этого. Она боялась, что, как только она переступит порог старого деревенского дома, прошлое обрушится и похоронит ее под тяжелым холодным пеплом своим. Поэтому сразу за облупленной бетонной стелой «Вечная память героям!» она сбросила скорость и успела рассмотреть и вид с моста, и пустующую будку от бывшего блокпоста (надо же, подумала она, за все эти годы так и не убрали). Поэтому, уже заехав в поселок, остановилась у магазина, долго и безтолково раздумывала, что нужно купить, и решила только на бутылку минеральной. Именно поэтому не нажимала на клаксон, чтобы разогнать устроившихся на проезжей части гусей, а выжидала, пока те сами разойдутся — должно быть, со стороны смотрелось очень глупо. Но все это было тщетно. Она неумолимо приближалась к конечной точке своего путешествия.

Поселок городского типа Пряслень, улица Береговая, дом 17.

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Вот и ворота. В самом конце улицы, на окраине поселка, рядом с заросшим палисадником. Заросший — не то слово, ворот почти и не видно из-за высокого бурьяна. Густая зелень, еще не тронутая сентябрем, сочные мясистые стебли в человеческий рост, увенчанные большими засыхающими зонтиками соцветий. Катерина остановила машину на обочине, ткнувшись бампером в заросли, заглушила двигатель и замерла. Больше всего на свете ей хотелось ударить по газам и смыться отсюда.

Она не видела этого забора семнадцать лет и с первого же взгляда поняла, что годы не прошли бесследно. Столбы и доски, крашенные некогда в темно-синий, стали совсем серыми, землистыми, и только кое-где виднелись задравшиеся лохмотья выгоревшей краски. Козырек над воротами скособочился. Низенькая скамейка — неперменный атрибут деревенской жизни, чтобы удобнее было судачить с соседями о прохожих и с прохожими о соседях, — вросла в землю, почти сгнила, и в ней явно поселились жуки-древоточцы, трудолюбиво превращающие ее в труху. У самой калитки успела вырасти крепенькая стройная осинка, ее мелкие листочки трепетали, несмотря на безветренную погоду. Катерина почувствовала, будто и внутри у нее что-то вот точно так же дрожит.

Ну, довольно. Она отстегнула ремень безопасности и вышла, стараясь хлопнуть дверью как можно тише. Тщетная предосторожность, конечно, наверняка кто-нибудь уже наблюдает за ней из ближайших домов. Здесь так редко появляются новые лица. Катерина внутренне пожелала, чтобы ее лицо как раз сочли новым — она не хотела, чтобы та давняя история хоть краем своей мрачной тени задела ее теперешнюю жизнь. Но это, конечно, невозможно.

Купальская ночь

У машины она потопталась в нерешительности, стараясь не глазеть по сторонам. Потом, тяжело вздохнув, напролом полезла к калитке через бурьян.

«*Репехи*». Это слово заставило ее вздрогнуть, как будто кто-то громко произнес его над самым ухом. Надо же, семнадцать лет — и ни разу не вспомнила, что то, что она привыкла называть репейником, тут именовалось *репехами*. А стоило шагнуть из машины, как вот, пожалуйста, они самые. *Репехи*.

Рассохшаяся калитка, хоть и со сломанным засовом, открываться не желала, видно, с той стороны двор зарос такими же сорняками по пояс. И Катерина, дергая и толкая ее, вдруг почувствовала себя совершенно беспомощной. Она не понимала, зачем притащилась сюда, зачем стоит у забора дома, являвшегося ей в самых темных кошмарах, да еще и пытается попасть в его двор, в его стены, под ту самую крышу... Ах да, покупатели! Дом хотят купить. И если она хочет избавиться от него навсегда, то лучше все-таки его продать. Тем более что большую часть пути она уже преодолела. Осталось немного — дойти до дома, переступить порог, осмотреться. Дождаться покупателей, оформить все бумаги, сходить к нотариусу, поставить подписи, взять деньги...

От таких обыденных мыслей стало полегче, и дом, невидимый из-за забора, но такой реальный, такой несомненный, перестал казаться замком злой колдуньи посреди заколдованного леса. Солнце светило ярко и не по-осеннему жарко, и футболка под мышками стала пропитываться влагой. «Будь я героиней страшной сказки, я бы точно не потела», — с истерической ноткой хмыкнула про себя Катерина. Теперь она разглядела брешь: в заборе не хватало пары досок, как раз чтобы протиснуться взрослому человеку. Бог знает кому и зачем понадобилось ходить в сад заброшенного

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

дома... Щелкнув брелком сигнализации скорее по привычке, чем от надобности, Катерина пролезла в дырку и очутилась во дворе. И вот...

Дом стоял перед ней. Меньше, чем казался ей в снах, и не такой мрачный. Скорее покинутый. Обычное человеческое жилище, давно отчаявшееся дожидаться хозяев. Мутные незрячие оконные стекла, кое-где и вовсе выбитые. Белесый шербчатый кирпич стен. В то время как по всей стране сельские дома строились из дерева (взять хотя бы деревни и поселки соседнего района той же области), в Пряслене с незапамятных лет велось строительство из кирпича благодаря местному кирпичному заводу, построенному еще до революции, или цигельне, как его тут называли. Проезжая сегодня мимо деревянных хат в маленьких селах вдоль трассы, Катерина видела среди них и заброшенные, покосившиеся, упирающиеся оконными переплетами в землю, с прорастающими через крышу кустами дурноклёна, и втайне даже тешила себя надеждой, что и с этим домом приключилось то же самое. Если бы природа захватила дом в свой плен, Катерине бы не пришлось испытывать сейчас эту робость и этот страх. Но побороть кирпич даже буйной южнорусской растительности все-таки не удалось, а может, все дело в мастеровитости деда, когда-то сложившего дом на совесть. Так или иначе, с домом по Береговой, 17, все было в порядке, не считая запустения. Весь двор заполнил такой же бурьян, что и снаружи, и до крыльца пришлось продираться сквозь заросли. Оказавшись на ступеньках, Катерина вдруг поняла, что ключа у нее нет. Однако он и не понадобился, вот уже много лет, судя по всему, редкие случайные обитатели не утруждали себя замками.

Внутри было пусто и гулко, пахло сыростью и мышами, как в подвале. Никого и ничего. Все,

Купальская ночь

что можно было вытащить и унести, уже давно вытащили и унесли в неизвестном направлении. Тогда, семнадцать лет назад, дом был поспешно оставлен, брошен, вещи никто не собирал — было не до того. Посуда, шторы и домотканые бабушкины половички, весь нехитрый скарб, все то, чем обрастает человек в своем жилище, тогда осталось словно ничейным. Видно, спустя некоторое время вещи нашли себе других хозяев. В большой комнате с крепким, досочка к досочке, крашеным полом остался только круглый столик и шкаф со сломанной, висящей на одной петле дверцей — конечно, без содержимого. Пара пожелтевших газет и ржавые гвозди не в счет. Катерина обвела глазами пространство комнаты, пытаясь припомнить, как тут все было когда-то. Пять окон, настоящая достопримечательность комнаты, три из них выходящие на двор к калитке и две в сторону сарая, сейчас почти не пропускали свет из-за грязи. А, бывало, раньше комнату заливало солнце, и половицы нагревались так сильно, что, если стать босыми ногами, жгло ступни. Правда, чаще в самый зной все шторы плотно задергивали, чтобы из дома не выходила драгоценная прохлада.

Катерина прошла в другую комнату. Эхо. Когда-то это была ее комната. Небольшая, вытянутая, с окном, ведущим в сад под узловатую вишню и открывающим удивительный вид на реку Юлу. На подоконнике еще сохранилась голубая краска, лежащая толстым неровным слоем, в потеках и выпуклых застывших каплях. Почему-то в этих краях оконные рамы всегда красили не в белый, а в нежно-голубой цвет. Однажды Катя спросила об этом бабушку Тосю, царствие ей небесное. Та сперва даже не поняла, о чем ее спрашивает девочка, а потом пожала плечами:

— А на шо тебе белая? Синенькая лучше, як нэбо.

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Дело, конечно, было не только в том, что голубая краска «как небо», а скорее в том, что так красили все соседи. Отбиваться от коллектива было как-то не принято. Не отбивались и теперь: проезжая мимо, Катерина успела заметить, что все окна по улице поменяны на пластиковые стеклопакеты. Хотя тут дело, наверное, уже в удобстве и практичности.

Но главное открытие еще только ожидало. Здесь, в этой самой комнате, у стены, на месте неведомо куда исчезнувшей кровати, стоял...

«Диван». Это слово, как и предыдущее, всплыло на поверхность памяти из небытия. Сей предмет мебели, на взгляд Катерины, диваном вовсе не являлся. Ведь что такое диван? Мягкая мебель, обтянутая тканью или кожей, куда можно рухнуть, щелкая пультом телевизора, обсыпая себя крошками бутерброда, и где можно сладко прикорнуть, укрывшись пледом. Или вообще разложить, получив полноценную кровать, что, кстати, она и делала каждый вечер в своей московской квартире. А тут у стены стояла скамейка из липы. Крепкая, длинная, крашенная, с резными подлокотниками и спинкой из узорчатых столбиков с завитушками. Но Катерина отчетливо помнила, что и бабушка, и дед называли эту скамейку *диваном*. И она, городская девочка на каникулах, тоже. Хотя и удивлялась про себя. Вечерами диван иногда выносили и ставили под старой абрикосой. Катя забиралась на него с ногами, грызла яблоки белый налив, созревшие до ватной мякоти, смотрела, как закат расцвечивает небо, и втихоря швыряла огрызки за соседский забор.

Была и третья комнатка, самая маленькая, но в нее Катерина не пошла. Хотела сперва себя заставить, но прямо на пороге повернула обратно. Нет. Еще не время.

Купальская ночь

На кухне рядом с большой кирпичной печью лежал ворох какого-то тряпья. Видно, незваные гости тут даже ночевали. Кто? Давно ли? Никаких иных следов обитания видно не было.

Вернувшись в комнату с пятью окнами, она остановилась у шкафа. Выдвинула разошедшийся ящик до половины — больше не выдвигался. Там тоже лежала газета, свернутая в трубочку, смятая, со следами мух. Летом в доме полно мух, они нудно гудят и мешают спать, и чья-то рука, наверное, мамина, свернула газету в трубочку, чтобы перебить назойливых насекомых. Это было так давно, в еще счастливой жизни. Катерина взяла газету, расправила. Обычный выпуск, всего на разворот. Фотография тогдашнего главы района, фотография старушки в платке, какой-то местной жительницы, поздравления с юбилеями прясленцев, колонка «на заметку хозяйке», объявления о продаже двигателя «Ижа» и коровы. Катерина машинально бросила взгляд на дату в углу чуть влажной страницы. 28 августа 1995 года. До мгновения, разорвавшего жизнь Катюши Ветлигиной надвое, оставалось всего два дня.

Эта дата, такой простой набор букв и чисел, заставила руки предательски задрожать. Катерина хотела бы разорвать газету на мелкие кусочки, или сжечь ее, или просто уронить на пол, словно нечаянно разжав пальцы, но вместо этого стояла как заговоренная, всматриваясь в чеканный шрифт.

— Ау? Есть кто? — раздалось вдруг из кухни.

Катерина от неожиданности вздрогнула всем телом, сердце пропустило удар. Она резко обернулась к двери. Как раз в эту секунду на пороге появилась субтильная шатенка в футболке и спортивном трико. Загорелая настолько, что казалась темнокожей. При виде Катерины она разулыбалась, и на щеках ее заиграли ямочки, от-

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

чего все лицо, несмотря на морщинки, сделалось еще моложе и вообще потеряло всякий намек на возраст.

— Катюша! Приехала!

Это была Ольга Дубко, соседка, давняя знакомая и подруга матери Катерины, Алены Ветлигиной.

Женщины обнялись. Катерина, заметив, что все еще держит газетный листок, поспешно сунула его в шкаф.

— А я с огорода, — дружелюбно пояснила Ольга. — Еду, смотрю, машина. Ну, то ли еще покупатели объявились, думаю, то ли Ветлигина-таки пожаловала. Машины-то я твоей не знаю.

— Да, вот пожаловала... — неловко улыбнулась Катерина.

— Ну и молодец. Как тебе? — Ольга широким, но изящным жестом обвела обстановку вокруг.

— Пусто.

— Ну да, пусто. Что делать, столько лет без догляду! Но стены крепкие. Крыша вроде тоже целая. В общем, те москвичи заинтересовались.

— Что тут делать москвичам? — хмыкнула Катерина. — Почти семьсот километров, я восемь часов ехала. Для дачи далековато...

— Ну, это уж их дело. Вас, богатых, не поймешь, сидите там в своей Москве, планы строите наполеоновские. А мы тут живем, — беззлобно попеняла Ольга.

— Неплохо живете, если по вам судить, тетя Оля. Все такая же красотка.

— Ай, да ладно тебе! — замахала рукой она, явно польщенная. — Скажешь тоже. На огород ездила, фасоль собирала. Лицо, поди, все в пыли. Так, ладно. Ты ж с дороги, уставшая. Пойдем ко мне. Умоешься, покушаешь, дух переведешь...

— Да я...

— Давай-давай.

Купальская ночь

И Ольга, не слушая слабых возражений Катерины, направилась к двери. Катерина чуть замешкалась, ощупывая карманы, потом вспомнила, что ни замка, ни ключа тут нет.

За калиткой стоял, прислоненный прямо к кустам, Олин велосипед, с повешенными на руль с обеих сторон увесистыми пакетами.

— Видала? — любовно похлопала Ольга по одному. — Какой урожай. Фасоли в этом году уродилось...

— Куда вам столько, тетя Оля?

— Так, давай-ка ты меня позорить не будешь, моя дорогая. Какая я тебе тетя? Оля, и все. Еще б бабушкой назвала...

Катерина со смехом согласилась. Она помнила Ольгу исключительно как подругу матери, но это было в юности, когда тридцатилетние кажутся пожилыми. А теперь вдруг вышло так, что их возраст сровнялся.

— Это еще не все, только часть собрала, — продолжала Ольга, крепко взяв велосипед за руль обеими руками и выводя его на дорогу. — Буду фасолевого рагу делать всю зиму. Ну, и закрутки кое-какие. А створки пригодятся, говорят, при ревматизме помогают и подагре.

И она радостно засмеялась, давая понять, что ни на то, ни на другое не жалуется.

Катерина смотрела на Ольгу Дубко одновременно и с восхищением, и с недоверием, и пыталась сосчитать, сколько же той на самом деле лет. Последний раз они виделись как раз в *то лето*. Катерина была совсем еще девчонкой, а тетя Оля чуть моложе ее матери, Алены Ветлигиной. Стало быть, сейчас ей немногим меньше пятидесяти. Так и не располневшая после рождения двоих сыновей, такая же поджарая. Ничуть не изменившаяся. В этой паре — Алена Ветлигина и Оля Иващенко (Дубко она стала потом, по мужу) —